

Встреча для вас

НА ЛЕТНИЕ ГАСТРОЛИ в Москву ГАБТ БССР привез семь балетных спектаклей. Из них четыре в постановке одного из ведущих хореографов страны — главного балетмейстера театра Валентина Елизарьева, «Тиль Уленшпигель». Е. Глебова, «Спартак» А. Хачатуряна, «Щелкунчик» П. Чайковского, «Кармина Бурана» К. Орфа — каждая из этих постановок воспринималась как событие в жизни белорусского балета.

...А начиналось все с большого риска. В 1973 году Валентин Елизарьев — выпускник Ленинградской консерватории, ему тогда только исполнилось 26 лет — был приглашен на должность главного балетмейстера Белорусского театра оперы и балета. В это время он считался самым молодым главным балетмейстером в стране. Неожиданно в его руках оказались сцена академического театра и сто артистов балетной труппы. Впервые он сидел в своем кабинете, в незнакомом городе, где у него не было ни единого друга, и в его глаза...

— Была страшная неуверенность. В первый же день свалилось столько обязанностей, и все они были так ответственными и огромными, что всерьез испугался: казалось, не осилю. Вот когда ощутил недостаток вузовского обучения. Там, в консерватории, с нами занимались замечательные педагоги, мы постигали тайны ремесла, профессии. Но нас не учили быть руководителями. А главный балетмейстер — это прежде всего руководитель коллектива. Вот и пришлось мне стать им на ощупь, методом проб и ошибок, получая удары и сныжки. Одним словом, ощущения были не из приятных. Но что я хорошо помню — все перекрывало огромное желание работать, и как сейчас вижу, мне даже повезло: я встретил в театре коллектив энтузиастов, а на энтузиазме, уверен, можно многое сделать, хотя сначала ох как трудно приходилось. Труппа меня встретила настороженно: что, мол, за мальчишка приехал? Изучающие взгляды в спину, и низкотельные улыбочки... И взяла меня злость: ну, нет, думаю, так легко не сдамся! Необходимо было во что бы то ни стало «завоевать» труппу — это для меня тогда был вопрос почти жизни и смерти... И начали мы ставить балет «Кармен-сюита» на музыку Вивы — Щедрина...

— В то время в труппе была молодая солистка, а ныне народная артистка БССР Людмила Бржозовская, которая, помню, так расхваливала об этом: «Когда он пришел и начал по-настоящему, мы стояли, смотрели и учились делать движения в мыслях, потому что сразу сделать то, что он показывает, мы считали, было невозможно. Он предлагал нам такие движения, которых мы не видели раньше».

Он их удивлял, приводил в недоумение: ведь «Кармен-сюита» еще до прихода Елизарьева значилась в планах театра, но никто не предполагал, что она будет именно такой. Имелось в виду простое перенесение уже существующей постановки в Большом театре Альберто Калло.

— Как увидев в планах театра «Кармен-сюиту», ужасно обрадовался. Ведь я ее мечтал поставить уже несколько лет. А тут такой случай. Потрясающая тема, музыка фантастическая, образ какой! «Сама себе закон — летишь, летишь ты мимо. К созвездиям иным, не ведая орбит. И этот мир тебе — лишь красный облик дыма. Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!» Я хотел, чтобы в нашей Кармен была блоковская «одичалая прелесть», чтобы все происходило на фоне «сплава миров». И знаете, наверно, оттого, что я сам так горел желанием поставить «Кармен», что-то изменилось и в настроении танцовщиков, произошел перелом. Они поверили мне, их захватили репетиции.

Потихоньку я «врастал» в театр. Здесь я встретился с незаурядными людьми — художником Евгением Лысыком, с которым мы подружились и сделали потом вместе многие работы, с дирижером Ярославом Воцкаком. Все как-то совпадало на этой работе: музыка, декорации, исполнители ведущих партий — Л. Бржозовская, Н. Павлова, Ю. Троян, В. Саркисьян, В. Комков, С. Пестехин «приняли» своих героев... Стена недоверия дала большие трещины. Мы рисковали, мы были молоды, почти ровесники, а ведь это совсем не просто — решиться на рывок из провинциального застоя, который бывает так удобен и который, мне кажется, тогда сильно сковывал театр. Сегодня все те, кто поверил в «Кармен», — титулованные звезды белорусской сцены. Но «дух сомнения», дух риска — заразителен. Его я ощущаю в новом поколении артистов. Мне уже не приходится искать так настойчиво, как вначале, общий язык с Н. Дадзикилани, И. Душкевич, Т. Шемелетов, Н. Филипповой, А. Курковым, Ю. Раукуть — с ними могу идти на любой каприз.

А что касается физических нагрузок, то, знаете, это мой принцип: всегда ставить задачу чуть труднее, чем они сегодня могут выполнить. Важно, чтобы это «чуть» не было слишком большим. И всегда ищу новые языковые формы, а это для танцовщиков интересно. Я уже даже привык, что на каждой новой работе они стонут. Просто не обращаю внимания, потому что это время: пройдет время, и то, что им казалось невозможным, станет легким и простым. Да и что

мы знаем о своих возможностях — лишь то, что лежит на поверхности. Для того, чтобы узнать себя по-настоящему, надо искать и работать, работать и искать — другого способа, по-моему, нет.

Елизарьев в общем-то внешне мало отвечает традиционному представлению о балетмейстере. Немного приземистый, с упрямым лбом. Очень собранный, чем-то похожий на боксера перед схваткой. Почему он выбрал эту профессию, ведь в его семье не было никого, кто был бы связан с театром?

— Теперь мне кажется, что всегда хотел заниматься только этим. И когда был в художественной самодеятельности — как это бывает, мама приводит мальчика за руку. И когда учился в хореографическом училище имени Вагановой, и даже когда получил травму, перечеркнувшую будущую карьеру танцовщика — это было так, будто сама судьба настойчиво меня подтолкнула к профессии хореографа. Это как болезнь, только «болезнь» превратилась в любовь, а теперь в профессию на всю жизнь. Профессию, на мой взгляд, лучшую в мире.

— Как рождается балет?

щина уже требовали только действия, проникнутого «ораторским» пафосом. Но последние работы — «Щелкунчик», «Кармина Бурана» словно вымечтаны из света, цвета, полета, в них есть улыбка. Быть может, наступил новый поворот?

— Не думаю. Балет, по-моему, должен быть очень емким — и лиричным, и трагедийным, и комическим, и интеллектуальным. И в то же время простым. Ведь нам так не хватает простоты, мы часто сами воздвигаем стены, отгораживающие нас от жизни, стесняемся своего детства, простых, искренних движений души, доверчивости. Мы разучились доверять, мы потеряли право на ошибки. А ведь ошибки движут человечеством, неудачи толкают вперед...

— Сейчас трудно представить, что когда-то балет был элитарным искусством, последние годы даже говорят о балетном «буме»: кино часто обращается к балету, театральная публика с интересом следит за ним. В Минске — городе в общем-то нетеатральном — на такой «старый» спектакль, как «Сотворение мира», идущий не первый год, до сих пор невозможно достать билет.

— Логически я это объяснить не могу. Вижу теперь в нем множество недостатков

Валентин ЕЛИЗАРЬЕВ:

«ДВИЖЕНИЕ — ЭТО ПРОДОЛЖЕНИЕ МУЗЫКИ»

— Для меня самого это загадка. Я вот, например, часто вижу очень интересные сны. Иногда вскакиваю среди ночи и записываю, часто целые сцены вижу во сне: как поставлены, как выглядят. И если сразу сумею проснуться — это лучше всего. Так однажды увидел весь первый акт «Щелкунчика».

А обычно это так: сначала возникает мысль, идея, затем начинает звучать музыка, или же это одновременно происходит. Потом возникают зримые образы. Бывает и параллельно — по-разному. Некоторые записывают хореографию на бумаге. Мне приходится все запоминать. В общем-то я прихожу к танцовщикам уже с целым балетом в голове. А уж пластику «проигрываю» на актерах. И каждый раз отмечаю про себя: очень мало получается из того, что придумал дома. Иногда такого насочишь, а в репетиционном зале столько «руды» отбросишь — редкие «зерна» остаются...

«Свою» музыку определяю по одному безошибочному признаку — когда слушаю, то не приходится делать усилий над собой, чтобы что-то сочинить, движение рождается из ее внутренней сути совершенно естественно, как бы само собой. Эта музыка, чувствую, «моя». Бизе, Чайковский, Малер, Орф, Прокофьев, Щедрин, Петров — все они «мои» композиторы.

Как хореограф что бы ни ставил, на какой бы современной сюжет, всегда чувствую себя учеником в балетном «классе» первых русских гениев танца — Петипа, Иванова, Горского. Время их не старит, потому что они нашли такой фантастический язык, такую лексику, которая вечно современна.

— Трудно объяснить образ, он и таин, и сама жизнь, но ведь обстоятельства жизни конкретны...

— Когда начинал ставить «Сотворение мира» А. Петрова, у меня уже был маленький сын, и все чаще я думал о том, что его ждет в жизни, как примет его этот огромный мир. Вот это соотношение мира незащищенного и мира трагического, жестокого буквально преследовало меня. Из этого чувства и родился балет, родился образ материнской надежды, спасающей мир.

Теперь я взялся за балет, посвященный трагическому образу белорусской женщины Анастасии Куприяновой — матери, потерявшей пятерых сыновей на войне. Это подвиг великой материнской любви и жертвы.

Вообще женщина в моих балетах — всегда символ жизни, человечности, надежды.

А в «Щелкунчике» другой поворот: глазами маленькой девочки видится мир, и в этих глазах он удивителен, потому что в детстве, я вспоминаю, мир кажется прекрасным. Но это чувство прекрасного и таинственного, к сожалению, с возрастом затеряется. И мне вдруг так захотелось, чтобы оно задержалось, воплотилось — на сцене, в искусстве, в жизни...

Начиная с первых работ, истати, ни одна постановка Елизарьева не проходила незамеченной, и до сего времени критика много говорила о трагедийной масштабности, свежести, публицистичности и гражданственности его балетов. Долго почти не замечались другие стороны — пронзительность, лирическая страстность, более того, от постанов-

своей, прежде всего, работы. Но, наверно, в нем людей привлекает другое. Он вызывает чувство сопереживания — вот, пожалуй, верное слово. Сегодня в нас живет тревога за наш мир, и мы хотим знать, что нас ждет. «Сотворение мира» — это балет-притча, это попытка дать образную картину предвидения будущего. И не одного конкретного человека, а всех нас — человечества. Отсюда и постоянный интерес к балету.

И еще. Ведь балет как особый, универсальный язык очень близок к жизни в ее первородном, что ли, восприятии. Когда не нужно слов, переводчика. Любопытство к жизни балета — духовное, потому что здесь все существует в столь концентрированном виде, как это редко случается в других искусствах. Этот язык очень «емок». Важно только, чтобы «емкости» были заполнены чем-то настоящим, хотя и «сосуды» сами по себе очень притягательны.

На моих глазах сильно изменилась аудитория в театре. Я вижу очень много молодежи — балет становится настоящим искусством масс.

— Совсем недавно в журнале «Советский балет» прочла: «театр балета» Григоровича, Якобсона, Елизарьева... Как возник этот термин, что он означает?

— Думаю, театр балета существовал всегда. А заговорили о нем в связи с определенными личностями. Это как «авторский» кинематограф, «авторская» песня, когда личность создателя — доминирующая в определении репертуара, художественного мировоззрения. Просто удельный вес «авторского» в балете стал больше, чем раньше: хореограф пишет либретто, очень тесно сотрудничает с композитором, художником... В этом смысле театр Петипа — тоже авторский театр.

— Характер личности балетмейстера влияет на его творчество?

— Для меня человек — это характер. Пусть ершистый, пусть «неудобный» для окружающих, но чтобы через него виделась личность. Ведь творчество живет личностями, принимает их облик. Но в таком коллективном творчестве, как балет, одно «я» балетмейстера мало что значит, и не только потому, что он воплощает свои замыслы через артистов, через декорации, музыку...

Вот, например, на меня огромное влияние оказала личность моего учителя в Ленинградской консерватории Игоря Дмитриевича Бельского, впрочем, не только на меня, но и на всех, кто у него учился. В том, что я делаю теперь, есть и характер моего учителя. Добавьте сюда характеры исполнителей, композиторов, художников... их так много, людей, создающих зрелище! Где же тут характер постановщика? Не характер ли он? Нет. Это авторские «мысли». Мысли и те движения души, которые говорят о его, автора, любви и ненависти.

...Балеты Елизарьева удивительно похожи на него самого — интеллектуала и романтика, азартного борца и упорного создателя — современного человека, который думает, мечтает, вслушивается в музыку мира.

Беседу вела Татьяна ТЮРИНА.